

УДК 94(47+57)

СУЗДАЛЕВА Татьяна Романовна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана. Автор 70 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, 15 учебных пособий

СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ ИЛИ СОДРУЖЕСТВО НАЦИЙ?

Статья посвящена актуальной и дискуссионной проблеме современной зарубежной и отечественной историографии – правомерности применения термина «империя» к России советского периода. Она рассматривается в контексте государственной политики в сфере нациестроительства, взаимоотношений центра и национальных регионов. На основе анализа современной историографии автор предлагает свое видение проблемы. Результаты исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость. Они важны для гармонизации межнациональных отношений и укрепления содружества наций в современной России.

Ключевые слова: империя, советская империя, Советский Союз, национальная политика, русский народ.

В последние годы появилось довольно много публикаций по проблеме «советской империи». Ее изучение обусловлено, во-первых, необходимостью выработки новых механизмов сотрудничества с государствами, возникшими на постсоветском пространстве, во-вторых, необходимостью использования уникального российского опыта сосуществования разных культур в целях выработки эффективной стратегии национальной политики. Важное место эта проблема занимает в курсе преподавания истории в высшей школе в связи с созданием нового стандарта преподавания, где вопросы «формирования многонационального го-

сударства», «характера национальной политики большевиков и ее оценки» включены в число трудных вопросов российской истории (31 пункт).

В западной историографии интерес к проблеме «империи», в рамках которой особое внимание уделяется вопросу формирования наций, возник в середине 90-х годов. [3, 5, 9–12, 21, 23, 24]. В отечественной литературе постсоветского периода эта тематика также получила развитие [8, 13, 14, 15, 17, 20, 22, 26].

На сегодняшний день согласия относительно значения термина «империя» нет: «историк тонет в массе фактического материала,

который невозможно обобщить», дискуссии же «между представителями соперничающих теорий обычно производят больше смещения, чем ясности» [14, с. 69]. Граница, разделяющая империи и не империи, размыта, а типология империй различна: древние, современные, морские, континентальные, кочевников, оседлые. Империя может быть монархией (Испанская, Османская, Австро-Венгерская и др.) или демократической республикой во главе с президентом (Французская колониальная империя). Индия до того, как стать колонией Британии, была империей великих моголов. Разброс мнений наглядно продемонстрирован в труде «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма».

Одни исследователи рассматривают империю как систему, в центре которой находится власть во всех ее проявлениях [9, с. 286]. Другие утверждают, что империя «обращена наружу», она захватывает и вовлекает в свою политическую структуру новые народы... Сама концепция империи предполагает, что населяющие ее народы управляются по-разному [3, с. 332]. Еще в 60-е годы XX века историки обратили внимание, что в СССР отношения между центром и окраинами в целом трудно назвать колониальными. Отсутствие общепринятой интерпретации понятия «империя», малоизученность проблемы осложняет ответ на вопрос: являлся ли Советский Союз империей? На рубеже 80–90-х годов дискуссии о правомерности термина «советская империя» связывались с политическими пристрастиями: если СССР – империя, он должен прекратить свое существование. В постсоветской России отношение к Советскому Союзу изменилось. Сторонники возврата к советскому прошлому стали ставить знак равенства между империей и державой. В. Булдаков пишет: «В демократическом дискурсе термин имеет негативную коннотацию – считается, что это насильственное удержание некогда завоеванных (или «добровольно присоединенных») народов и территорий. Мало кто отважится признать, что империя – это правило истории, ибо любая ци-

визаторская миссия осуществляется с помощью тех или иных форм экспансии. Империя – это культура в пассионарной (в том числе и агрессивной) стадии своего развития – явление не только преходящее, но и мимикрирующее. Бывают времена, когда она ослепляет людей блеском своего величия, их сменяет эпоха, когда в ее адрес слышны одни проклятия...» [2, с. 32–33].

В. Тишков критикует позиции, определяющие Советский Союз как империю. В частности, вступает в полемику с Е. Ясиным, который рассматривает империю как государство, «в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или многими другими народами, обычно присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы» [27, с. 7]. В. Тишков пишет: «...если СССР был империей, тогда какой народ представляла правящая коммунистическая номенклатура: сталинско-бериевская группа большевиков соратников по Кавказу, который был местом их рождения или революционной деятельности, или украинско-молдавско-днепропетровский клан, оба захватившие на десятилетия власть...» [22, с. 145–146]. С этой точкой зрения солидаризируется В. Согрин: «Русский народ не санкционировал восстания в Венгрии в 1956 г., вооруженного вторжения в Чехословакию и в Афганистан в 1979 г. Все эти акции – политика правящей коммунистической номенклатуры» [19, с. 123], так же как и навязывание доминирования над народами Центральной и Восточной Европы.

В. Согрин задает вопрос: разве внешняя политика не придавала правящему режиму СССР черт империи? «Империи, понятно, не в традиционном смысле, а в современном, в том, в каком, например, являются ею США после краха СССР и превращения их самих в единственную сверхдержаву?» [19, с. 123].

Другие исследователи указывают на ярко выраженный имперский тип государственности в СССР и предлагают сравнивать его с другими колониальными империями или пред-

шествующей империей Романовых. Д. Ливен пишет: «СССР унаследовал тех же соседей и многие из геополитических императивов, которые были у Романовых... Мощь и цели Советского Союза по своим масштабам были еще более имперскими, чем у монархии» [11]. Такой же точки зрения придерживается А. де Тенги, который оценивает СССР как империю [21].

Ряд ученых считает, что СССР – это империя особого типа, стремившаяся сочетать две взаимоисключающие идеи: собственно строительство империи и нациестроительство. С. Суни полагает, что соединить эти два направления было невозможно, в результате чего советское государство и распалось [5, с. 194].

Пытаясь выйти из круга этих противоречий, А. Сорокин пишет: «Представляется важным структурировать исторический процесс, не распространяя на весь советский период характерные особенности каждого из хронологических отрезков» [20, с. 64].

Определенные имперские тенденции возникли уже в период Гражданской войны. Дореволюционный лозунг «право наций на самоопределение» в те годы относился, прежде всего, к народам других стран. Этот лозунг служил решению внешнеполитических задач по созданию глобальной коммунистической федерации, которая должна была возникнуть в результате всемирной революции. Не выдвинув этот лозунг, большевики могли потерять союзников по борьбе – социал-демократов Польши, Литвы, Латвии. Обострение межнационального конфликта на Балканах также требовало ответа о судьбе наций.

В декабре 1917 года Совнарком издал декрет о предоставлении независимости Финляндской республике [1, с. 137]. Перед финской делегацией было поставлено только одно условие: в договоре слова «правительство России» должны быть изменены на «Совет народных комиссаров». Большевики рассматривали этот акт как необходимую меру доверия для последующего объединения. Затем начался «парад суверенитетов»: в России возникали рады, сеймы, курултаи и другие органы национальной

власти. Их существование в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, Кавказе во многом обеспечило присутствие немецких войск, в Туркмении – английских, в Бессарабии – румынских.

Чтобы удержать движение к самоопределению, большевики стремились советизировать национальные районы. Как правило, это проходило по типичному сценарию: местные большевики создавали революционные органы власти, которые от имени трудящихся масс обращались к советской России за помощью. Она им оказывалась по мере готовности войск. Красная армия в Азербайджане установила советскую власть в апреле 1920 года, в Армении – в декабре 1920 года, в Грузии – в феврале 1921-го. В 1920 году в результате антифеодальных революций хивинский хан и бухарский эмир были свергнуты. Вместо ханства и эмирата были созданы Хорезмская (в апреле) и Бухарская (в октябре) народные советские республики.

Большевики смогли остановить распад государства по национальному признаку, и к концу Гражданской войны удалось объединить 95 % территории бывшей Российской империи.

Новое государство создавалось как федеративное. В.И. Ленин отверг сталинский план «автономизации» и настоял на создании государства, даже в названии которого отсутствовало какое-либо именование этнической принадлежности. Но, как пишет А. де Тенги, «... эта федерация всегда была лишь фикцией, как и “право свободного выхода из Союза”», закрепленное последовательно во всех советских конституциях. Именно с перспективой объединения кроются и перекраиваются республиканские рубежи, они представляют собой лишь административные границы, воспринимаемые формально внутри единого пространства [21, с. 57].

В начале 1920-х годов ожесточенные споры разгорелись вокруг проблемы разграничения компетенций между федерацией и ее субъектами. Лидеры автономных республик РСФСР, в частности, считали ненормальным положение, при котором они оказались лишенными права

непосредственно участвовать в распределении общероссийского бюджета. Но к середине 1920-х споры прекратились. К концу тех лет компетенция субъектов федерации еще более сократилась, но это уже никто не оспаривал [25, с. 9]. С одной стороны, индустриализация требовала концентрации финансовых, материальных, трудовых ресурсов и консолидации всей системы управления. С другой стороны, модернизация большинства союзных и автономных республик проводилась за счет перераспределения средств из России (против чего республики не возражали).

Территория национально-государственного образования определялась в зависимости от политических обстоятельств. Пожалуй, впервые это проявилось в отношении казаков Дона и Терека. В 1919 году оргбюро ЦК РКП(б) признало «единственно правильным беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного истребления». Казачьи земли тогда были отданы чеченцам, а казаки были выселены.

Сталин отверг предложения об установлении определенного уровня хозяйственного и культурного уровня развития союзных и автономных республик. Превышение или понижение статуса связывалось с вопросом политической целесообразности. Примером таких преобразований является трансформация статуса Карело-Финской ССР в 1940-е годы. Это дает основание некоторым авторам оценивать сталинскую национальную политику как политику национального нигилизма, не считающейся ни с чьими национальными интересами; по их мнению, создавалась система, где господствующей была не какая-либо нация, а государственная власть [26, с. 3].

Несмотря на неоднозначную оценку системы административного управления, национальная политика способствовала развитию национальных регионов. Хотя она и не была оптимальной, но для того периода оказалась прогрессивной. Национальности, имеющие территорию, создавали автономные административные образования – автономные республики, национальные области. Так, в царской

России в начале XIX века были образованы две губернии – Тифлисская и Кутаисская. В 1936 году Грузия стала союзной республикой, причем ее территория значительно превосходила границы тех губерний.

С 1923 года проводилась коренизация кадров – создание национальных административно-политических элит. Продолжалась политика обязательности национального языка и обязательного посещения школы на родном языке. Крайности коренизации, вызывавшие националистические тенденции, стали пресекаться. Политбюро ЦК ВКП(б) в постановлении от 14 декабря 1932 года осудило ошибки украинизации. Лидеры Украины, склонные или заподозренные в ней, смещались. Соответствующие решения были приняты и в отношении других регионов.

К середине 30-х произошел переход от дифференцированной политики в отношении многочисленных этнических сообществ к курсу на ее унификацию. Партийно-государственное руководство поставило задачу перевода языков нацменьшинств с латиницы на кириллицу, изменило принцип комплектования армии (отказ от формирования по национальному принципу). Естественно, в национальных регионах эти изменения не всегда воспринимались позитивно. Особенно это касалось создания светского государства (например, привлечения женщин к общественной жизни). Решение социально-экономических проблем национальных регионов зачастую проводилось за счет русских. Так, в Казахской АССР еще в ходе земельной реформы 1921–1922 годов были депортированы русские, оказавшиеся там в ходе осуществления столыпинской реформы.

От принципа решения социально-экономических проблем менее развитых национальных регионов за счет более развитой России партийно-государственное руководство страны никогда не отказывалось. Но на идеологическом уровне политика в отношении русских претерпевала изменения. В 1934–1935 годах была развернута кампания с осуждением ошибочных положений исторической концеп-

ции М.Н. Покровского (главным образом недооценки освободительных мотивов политики России и патриотических чувств русского народа в борьбе с иноземной агрессией) [16, с. 113]. После этого ощутимо снизился накал критической риторики в оценке царского режима.

В 1940-е годы началось восхваление русских как ведущей национальности. Сталинское определение русского народа как наиболее выдающегося из всех народов было подхвачено и растиражировано партийной прессой и всей идеологической системой. Существенно изменились и взгляды на русскую историю. Своего апогея эта политика достигла в годы Великой Отечественной войны, когда в армии появились погоны, демонстрирующие связь с прошлым, вводились ордена М.И. Кутузова, П.С. Нахимова и других русских военачальников. Была издана многотомная серия книг «Люди русской науки», где доказывалось, что главные открытия во многих областях принадлежат русским изобретателям, исследователям и ученым.

В работах авторов, которые указывают на имперский характер Советского Союза, большое внимание уделяется послевоенной внешней политике. С формальной точки зрения эти авторы правы, но обеспечение безопасности является приоритетом любой страны.

Национально-государственные интересы Советского Союза требовали тогда создания вдоль своих границ пояса безопасности, способного оградить СССР от возможной агрессии [18, с. 23–48]. Именно этим объясняется дифференцированная политика по отношению к тем или иным восточноевропейским странам. С другой стороны, Советский Союз взял на себя мессианскую функцию строительства социализма в мире. Эта политика, например, ярко проявилась во время советско-югославского конфликта в 1948 году. Борьба с титоизмом проходила под знаком устранения явлений национализма, недооценки руководящей роли СССР.

После 1953 года началась новая волна коренизации в республиках, перераспределение

власти в пользу национальных регионов [6, с. 4]. В Литве и Латвии началось увольнение русских работников, в Латвии – перевод делопроизводства на латышский язык. Но на рубеже 1950–1960-х годов решения партийных органов республик без согласования с центром стали расцениваться как «националистические ошибки». В этом обвинили руководство Латвии, Азербайджана, Туркмении.

В то же время продолжалась политика дотационной поддержки большинства национальных республик за счет РСФСР. Так, даже в период тяжелейшего послевоенного кризиса сельского хозяйства (1946–1947 годы) разница в окладе сельского труда на Кавказе и в Российском Нечерноземье доходила до 10-кратного разрыва, а социальные расходы в республиках Прибалтики (по политическим соображениям) и Средней Азии (в силу ее отсталости) составляли самый высокий показатель в СССР [4]. Это проявлялось в виде превышения ввоза товаров народного потребления, сырья, продукции промышленности над вывозом, разного рода дотаций. Закупочные цены на цитрусовые в СССР во многом превосходили их себестоимость (десять килограммов лимонов стоили примерно столько же, сколько тонна тюменской нефти – 40 р.). Республики платили меньше налогов в общесоюзный бюджет. Например, если РСФСР на рубеже 1970–1980-х годов могла оставить не более 40 % собранных на ее территории налогов, то прибалтийские республики – 45–50 %, а республики Средней Азии почти 100 %. Далее, общесоюзные органы направляли в Прибалтийские республики квалифицированную рабочую силу в наукоемкие производства, хотя прирост населения в РСФСР и в Прибалтийских республиках был одинаковым.

В 1970–1980-е годы имперские тенденции возродились: принимались решения о более активном изучении русского языка в союзных республиках. В этих целях было разрешено перераспределять часы в учебных планах общеобразовательных учреждений. В свою очередь лидеры национальных регионов стремились возвысить язык титульных наций над осталь-

ными. Языковая проблема не раз становилась причиной конфликтов.

Тем не менее национальная политика стала приносить свои плоды. В их оценке руководство страны иногда выходило за рамки реальности, и цели воспринимались как уже достигнутый результат. В начале 60-х, в связи с курсом на построение коммунизма и «стирание различий между нациями», утверждалось: «...с потерей большим контингентом лиц каждой нации национальных признаков образуется новая общность людей, наднациональная общность, основанная на общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры». [7, с. 7]. И все-таки появившаяся официальная теория «новой исторической общности – советско-

го народа» отвечала реальным настроениям общества.

В советский период наша страна была одной из самых могущественных держав мира. Немаловажную роль в этом играла национальная политика. В отдельные периоды она обладала чертами, позволяющая одним исследователям определять СССР как империю, другим – как государство, где основной тенденцией было содружество наций. Это означает, что принципы взаимоотношений центральных органов власти и регионов, формы административно-территориального устройства требуют дальнейших исследований. Использование теоретического и практического опыта будет способствовать выработке новых подходов и поиску оптимальной модели межнациональных отношений.

Список литературы

1. Аблаев Ю.М. Образование советско-финляндской границы в 1918–1922 гг. // *Вопр. истории*. 2011. № 8. С. 137–143.
2. Булдаков В.П. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. 204 с.
3. Бурбанк Дж. Траектории империи // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М., 2010. С. 325–362.
4. Гаман-Голутвина О. После империи // *Независ. газ.* 2007. 27 марта.
5. Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. 376 с.
6. Зубкова Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР 1953–1985 годы // *Отеч. история*. 2004. № 4. С. 3–32.
7. Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. 671 с.
8. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // *Новая и новейшая история*. 1997. № 3. С. 31–48.
9. Ливен Д. Империя, история и мировой порядок // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М., 2010. С. 283–325.
10. Ливен Д. Российская империя и ее враги. М., 2007. 688 с.
11. Ливен Д. Российская империя и Советский Союз как имперские государства. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-46228.html> (дата обращения: 19.07.2013).
12. Ливен Д. Россия как империя и периферия // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 6. С. 36–46.
13. Лурье С.В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример межэтнической самоорганизации // *Обществ. науки и современность*. 2011. № 4. С. 145–156.
14. Лурье С.В. «Imperium». Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М., 2012. 272 с.
15. Лурье С.В. Российская и Британская империя: культурологический подход // *Обществ. науки и современность*. 1996. № 4. С. 69–77.
16. Майоров М.В. Историческое прошлое и внешняя политика России // *Новая и новейшая история*. 2012. № 2. С. 104–125.
17. Матюхина Ю.А. Великие империи мира. М., 2011. 466 с.
18. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: в 2 т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. 687 с.

19. Согрин В.В. Что есть российская нация и российский народ (обобщающая работа В.А. Тишкова) // Обществ. науки и современность. 2011. № 1. С. 117–125.
20. Сорокин А. СССР – неудавшаяся империя или государство наций? // Родина. 2013. № 2. С. 64–67.
21. Тенги А. де. Выход из империи: тяжелое наследство // Полис. 2008. № 6. С. 54–66.
22. Тишков В.А. Российский народ. М., 2010. 191 с.
23. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013. С. 110.
24. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000. С. 512.
25. Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938. М., 2008. 832 с.
26. Юсуповский А. Кризис национальных отношений в СССР // Свободная мысль. 2011. № 7–8. С. 9–17.
27. Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи // После империи. М., 2007. 224 с.

References

1. Ablaev Yu.M. Obrazovanie sovetsko-finlyandskoy granitsy v 1918–1922 gg. [Establishment of the Soviet-Finnish Border in 1918–1922]. *Voprosy istorii*, 2011, no. 8, pp. 137–143.
2. Buldakov V.P. *Krizisy v Rossii: puti pereosmysleniya* [The Russian Crises: Ways of Rethinking]. Moscow, 2007.
3. Burbank J. Traektorii imperii [Imperial Trajectories]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Errors in the Study of Empires and Nationalism]. Moscow, 2010, pp. 325–362.
4. Gaman-Golutvina O. Posle imperii [After the Empire]. *Nezavisimaya gazeta*, 27 March 2007.
5. A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Ed. by. Suny R.G., Martin T. Oxford University Press, 2011 (Russ. ed.: *Gosudarstvo natsiy. Imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina*. Moscow, 2011. 376 p.).
6. Zubkova E.Yu. Vlast' i razvitie etnokonfliktnoy situatsii v SSSR 1953–1985 gody [The Power and Development of Ethnic Conflicts in the USSR in 1953–1985]. *Otechestvennaya istoriya*, 2004, no. 4, pp. 3–32.
7. Zubok V. *Neudavshayasya imperiya: Sovetskiy Soyuz v kholodnoy voyne ot Stalina do Gorbacheva* [The Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev]. Moscow, 2011. 671 p.
8. Kaspe S.I. Imperii: genezis, struktura, funktsii [Empires: Genesis, Stucture, Functions]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1997, no. 3, pp. 31–48.
9. Lieven D. Imperiya, istoriya i mirovoy poryadok [Empire, History and the Contemporary Global Order]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow, 2010, pp. 283–325.
10. Lieven D. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. London, 2000 (Russ. ed.: Liven D. *Rossiyskaya imperiya i ee vragi*. Moscow, 2007. 688 p.).
11. Lieven D. *Rossiyskaya imperiya i Sovetskiy Soyuz kak imperskie gosudarstva* [The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Politics]. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-46228.html> (accessed 19 July 2013).
12. Lieven D. Rossiya kak imperiya i periferiya [Russia as Empire and Periphery]. *Rossiya v global'noy politike*, 2008, no. 6, pp. 36–46.
13. Lur'e S.V. “Druzhba narodov” v SSSR: natsional'nyy proekt ili primer mezhetnicheskoy samoorganizatsii [Friendship of the Peoples in the USSR: The National Project or an Example of the Spontaneous Interethnic Organization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 4, pp. 145–156.
14. Lur'e S.V. “Imperium”. *Imperiya – tsennostnyy i etnopsikhologicheskyy podkhod* [“Imperium”. Empire: Value and Ethnopsychological Approach]. Moscow, 2012. 272 p.
15. Lur'e S.V. Rossiyskaya i Britanskaya imperiya: kul'turologicheskyy podkhod [The Russian and British Empires: Cultural Studies Approach]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1996, no. 4, pp. 69–77.
16. Mayorov M.V. Istoricheskoe proshloe i vneshnyaya politika Rossii [The Historical Past and Foreign Policy of Russia]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2012, no. 2, pp. 104–125.
17. Matyukhina Yu.A. *Velikie imperii mira* [Great Empires of the World]. Moscow, 2011. 466 p.
18. *Sovetskiy faktor v Vostochnoy Evrope. 1944–1953 gg. V 2 t. Dokumenty. T. 1. 1944–1948 gg.* [The Soviet Factor in Eastern Europe. 1944–1953. In 2 vols. Documents. Vol. 1. 1944–1948]. Moscow, 1999. 687 p.
19. Sogrin V.V. Chto est' rossiyskaya natsiya i rossiyskiy narod (obobshchayushchaya rabota V.A. Tishkova) [What Are the Russian Nation and Russian People? (a Summary Work by V.A. Tishkov)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 1, pp. 117–125.

20. Sorokin A. SSSR – neudavshayasya imperiya ili gosudarstvo natsiy? [The USSR: A Failed Empire or a State of Nations?]. *Rodina*, 2013, no. 2, pp. 64–67.
21. Tinguy A. de. Vыход iz imperii: tyazheloe nasledstvo [Out of Empire: The Burden of Inheritance]. *Polis*, 2008, no. 6, pp. 54–66.
22. Tishkov V.A. *Rossiyskiy narod* [The People in Russia]. Moscow, 2010. 191 p.
23. Ferguson N. *Empire: How Britain Made the Modern World*. London, 2003 (Russ. ed.: Fergyson N. *Imperiya: chem sovremennyy mir obyazan Britanii*. Moscow, 2013, p. 110).
24. Hosking G. *Russia: People and Empire, 1552–1917*. Harvard University Press, 1998 (Russ. ed.: Khosking Dzh. *Rossiya: narod i imperiya*. Smolensk, 2000, p. 512).
25. Chebotareva V.G. *Natsional'naya politika Rossiyskoy Federatsii. 1925–1938* [National Policy of the Russian Federation. 1925–1938]. Moscow, 2008. 832 p.
26. Yusupovskiy A. Krizis natsional'nykh otnosheniy v SSSR [The Crisis of National Relations in the USSR]. *Svoobodnaya mysl'*, 2011, no. 7–8, pp. 9–17.
27. Yasin E.G. Fantomnye boli ushedshey imperii [Phantom Pain of a Bygone Empire]. *Posle imperii* [After the Empire]. Moscow, 2007. 224 p.

Suzdaleva Tatyana Romanovna

Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russia)

SOVIET EMPIRE OR A COMMONWEALTH OF NATIONS?

The article dwells on the topical and debatable issue in the modern foreign and domestic historiography: legitimacy of applying the term “empire” to Soviet Russia. This issue is analyzed within the context of state policy in the field of nation-building and interaction between the centre and the hinterland regions of the country. On the basis of the analysis of modern historiography, the author offers her vision of this problem. The results of this research have both theoretical and practical importance. They are directed at harmonization of international relations and strengthening of the commonwealth of nations in modern Russia.

Keywords: *empire, Soviet Empire, Soviet Union, national policy, Russian people.*

Контактная информация:

адрес: 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1;

e-mail: syzdalev@list.ru

Рецензент – *Ершова Э.Б.*, доктор исторических наук, профессор, эксперт консультационно-методического центра Государственного университета управления